

Наталья знала, что Владимир не понимает, почему она ему кланяется. Как не понимает, и почему кланяется Ямато. Это не просто дань уважения, это благодарность. Благодарность за то, что он дал ей цель в ее бессмысленной доселе жизни. Кем она была до встречи с ним? Скрывающейся вейлой. Рабыней, которая боялась прожить жизнь так же, как ее сестры — в виде изнасилованных и выброшенных кукол. Он спас их, выделил ее и дал все возможное для того, чтобы стать чем-то большим. Она даже понимала, что через ингениум Хал пытался влиять на нее поначалу. В дальнейшем это было попросту бессмысленно, так как она хорошо развила в себе ментальную магию, но вполне понимала, что агентов экстра-класса от жизни до смерти отделяет именно уверенность в их верности. Если обычный работник уйдет от начальника к конкурентам — невелика беда, наберет еще. Если к конкурентам уйдет топ-менеджер, фирма может развалиться. А если к конкурентам уйдет шпион, то погибнуть могут миллионы. Изучение же опыта агентов спецслужб только убедило ее в этом и дало понимание, насколько маги зачастую недооценивают немагические методы воздействия. Впрочем, она их в этом не винила, ведь профдеформации подвержены все. Она это использовала. Вот и во время выборов, почувствовало настроение толпы, она позволила скрытым эмоциям магглорожденных вырваться. И даже великие волшебники не избежали этого — дом Альбуса Дамблдора был увешан чарами, как рождественская елка игрушками. Достаточно просто посмотреть в его сторону, и старец будет знать об этом. На помощь шпионке пришел самый обычный, примитивный проволочный микрофон. Простейшая рунная цепочка защитила его от воздействия магии, и при этом не имела активных чар, по которым устройство можно было вычислить. Единственная проблема заключалась в длительности записи миниатюрного устройства, ограниченной двумя часами, но этого было вполне достаточно. Как раз через два часа должны были бы сработать чары порт-ключа и перенести ценные данные во временную ловушку в Бразилии. Это на случай, если ее уловку разгадают.

Дамблдор же не знал, что тем аврором, который бросился его «спасать», и была Наталья, которая незаметно впаяла в оторванную пуговицу штанов Верховного чародея получившийся жучок. По возвращении, он, наложив все возможные чары против подслушивания, связался с Николасом Фламельем.

— Учитель, — увидел он в сквозном зеркале не седого и немощного старца, каковым тот изредка представала перед широкой публикой, а крепко сбитого красивого мужчину лет сорока без единого седого волоса и с бородкой-эспаньолкой. — У нас проблемы.

— Ты хотел сказать, у тебя проблемы? Альбус, ты всегда был моим лучшим учеником и редко меня разочаровывал, но в последнее время твои действия очень похожи на действия Геллерта. Может, и ты решил предать меня и наших союзников? — холодным как арктическая буря голосом, спросил Фламель. Дамблдор вздрогнул, даже несмотря на то, что их разделяли тысячи километров. В свое время Альбус и Геллерт хотели выйти из-под контроля оказавшегося тираном учителя и стоящими за ним силами, которые незримо вели магический мир к деградации и забвению. Альбус предлагал мирно объединить миры магглов и магов, таким образом перекрыв «кислород» тем, кто стоит над их учителем. Геллерт же полагал, что мирно уладить это не удастся, и война неизбежна. А раз она неизбежна, то и вести ее необходимо на своих условиях. Фламель прознал об этом и пригрозил смертью родным Дамблдора, заставив дать непреложный обет всегда слушаться своего учителя. А вот Геллерт отказался, и вся его семья вскоре состояла только из него одного, что сделало Гриндевальда не просто жестким, но и жестоким.

— Нет, учитель, я бы никогда не пошел против вас, — ответил Дамблдор, быстро взявший себя в руки.

— Я уже слышал о случившемся, а точнее видел, — показав находящийся за спиной алхимика колдовизор, сказал он. — Занятное устройство, даже неохота убивать такого смышленного юношу. Но инквизиция четко сказала, что такой дестабилизирующий и развивающий магический мир фактор необходимо убрать. Раз не получилось мирно, через гоблинов, то придется устранять физически. Вскоре придут братья из Ордо Антимагус, передашь им всю собранную тобой информацию.

— А что мне делать после этого?

— Пока за тебя будут решать твои проблемы, — хмыкнул Николас, — отмой свою репутацию. Иначе для меня и Церкви ты будешь просто бесполезен... в Англии.

— Я все сделаю, учитель.

Кивнув, Фламель исчез из зеркала, а Альбус еще долго смотрел в пустоту после этого. Иногда он желал поскорее умереть, так как продолжал жить только ради своего брата, единственного, кто остался из всей его семьи. По этой же причине он никогда не женился и не заводил детей — они бы стали лишь еще одним рычагом давления на него. Но, увы, алхимик никогда не дал бы ему умереть даже от старости, присылая эликсир бессмертия. Выпив небольшой флакончик красной жидкости, Дамблдор стал думать, что ему делать дальше, не заметив телепортации пуговицы со штанов. Феникс приоткрыл глаз, но не найдя того, что зацепило его внимание, продолжил дремать на стойке.

27 сентября 1974 года. Министерством Магии.

Кабинет Министра Магии находился на самом верху атриума и имел целых три панорамных окна. Оформлен он был в классическом английском стиле, в зелено-коричневых тонах. Новый хозяин не стал ничего менять, кроме стола с дубового на сандаловый и стула из его рабочего кабинета с мягкой спинкой, к которому он привык. Напротив Абраксаса на таком же стуле сидел его главный спонсор, Влад Пирс. Правда, последний по привычке и из-за внутренней паранойи стулья себе создавал всегда сам трансфигурацией.

— Чаю? — спросил Малfoy-старший своего собеседника, который вдруг попросил о встрече.

— В Министерстве подают отвратительный чай, — ответил ему Влад, накладывая полог тайн и еще несколько скрывающих чар в дополнение к ним. — Да и не за чаем я пришел, есть разговор.

— Настолько серьезный? — сразу же насторожился Абраксас.

— Нет, настолько, — Пирс перенес огненной аппаратурой Малфоя в одну из конспиративных квартир под Фиделиусом и активировал замедление времени.

— Могли бы обсудить это у меня дома, — недовольно пробурчал мужчина, садясь в ближайшее кресло.

— Во-первых, вас в последнее время не найдешь. А во-вторых, за мною следят, и визит к министру магии не так подозрителен, как к главе рода Малфой, — без тени улыбки ответил обычно часто улыбающийся Владимир.

— И кто же за вами следит?

— Ордо Антимагус.

— Что? Нет! Не может быть! Они же были расформированы вместе с инквизицией после установления Статута секретности. Это было частью договора с Католической церковью! — возмутился Абраксас.

— Вы думаете, что я лгу? — поинтересовался Пирс, от которого повеяло холодком.

— Нет, но вас могли ввести в заблуждение, — пошел на попятную Малфой.

— Не тогда, когда об этом упоминают Альбус Дамблдор и Николас Фламель в приватном разговоре.

— Это могла быть игра.

— Возможно, — не стал отрицать Влад. — Но уж слишком все сходится. Вы никогда не думали о том, как Гриндевальд и Дамблдор к сорока годам стали сильнейшими волшебниками в Европе? Что у них было того, чего не было у остальных?

— Я не особо углублялся в их историю, но, быть может, учитель? — предположил платиновый блондин.

— Верно, учитель. На какой силы и знаний должен быть учитель, если два его ученика наводили ужас на всю Европу? И я вам скажу уже то, о чем вы догадались, это был Николас Фламель, шестисотлетний волшебник, который вживую видел основателей Хогвартса и общался с ними. Официально известно, что Альбус с ним работал, но вот насколько близко? Судя по новым данным, очень близко — они были его личными учениками.

— Хорошо, допустим, ваши сведения верны, и Фламель с Дамблдором действительно связаны с Церковью и послали за вами убийц. Тем более что нападение на вашу мать было действительно подозрительным, как и заражение альянса неизвестным штаммом драконьей оспы, — кивнул Абракас, подумав немного, отбрасывать вот так сразу то, что сказал Пирс, он не стал. Хотя и не исключал, что все полученные сведения могут быть дезинформацией... Да тех же гоблинов, которые не простили банкротства своего банка. Ведь именно Влад являлся учредителем банка, а представители Альянса имели в нем свою долю. Зеленым уродам же только в счастье смотреть, как волшебники и церковь переубивают друг друга. — Но каков мотив?

— Мотив даже искать не надо, он на виду. Маги и жрецы Яхве всегда враждовали. Гонения на ведьм и инквизиция это только подтверждают, как и вынужденное принятие Статута, чтобы все не закончилось взаимным уничтожением, — отпив из появившейся в руке фляги, чтобы смочить горло, Владимир продолжил: — Яхве не светлый божок, которым себя выставляет, и уж тем более не творец всего сущего. Сильный? Да. Популярный? Тоже верно. Но светлый бог никогда не будет устраивать потопа по всему миру, скармливать детей медведице за оскорбление пророка, предлагать отцу принести своего сына в жертву во славу себе или отправлять на заклание своего собственного. Этим занимаются как раз темные боги. Они же вполне одобряют разные гонения и крестовые походы.

— То есть вы хотите сказать, что деградация магии связана именно с церковью?
— поинтересовался Абракас, подавшись вперед. События принимали пугающий оборот.

— Как одна из главных причин. Но не стоит сбрасывать со счетов негативное влияние Статута, замкнутость чистокровных магов и в принципе индивидуализм волшебников. Как и две мировые войны. Но то, что церковь подбросила везде дровишек, это определено. Изучая историю и зная, на что обратить внимание, мои аналитики заметили, — аналитик был один, и это Хал, но Влад, как всегда, не особо делился своими секретами. Нет, он был за развитие магического мира, но не в ущерб себе, — что большое количество странных смертей, эпидемий, который выкашивали почему-то сильнейших магов и пробелы в архивах. Будто кто-то целенаправленно изъясил заметки и книги на определенную тематику. Догадаетесь, о ком было большинство из них?

— О Николасе Фламеле?

— В точку. Несмотря на то, что имя этого алхимика можно найти на карточках из-под шоколадных лягушек, а сам он живет более полутысячелетия, о нем и его жене найти можно только общеизвестные факты. И та же история с Геллертом Гриндевальдом и Альбусом Дамблдором. Можно найти, чем они занимались после 1925 года чуть ли не по дням, но до этого времени только общие сведения, — развел руками Пирс.

— Тогда что насчет того, откуда у них такая сила и влияние на весь мир? — внезапно разум Малфоя пронзила догадка. — Подождите, магглорожденные?

— Верно. Магглорожденные. Те, кому не повезло устроиться в магическом или простом мире, становятся легкой мишенью для вербовщиков церкви. В особенности, если они еще и верующие. Та девушка, что напала на верховного чародея в атриуме, скорее упущенное

исключение, ну или у нее не было необходимых талантов, я не знаю.

— Вы ведь понимаете, что если все высказанные вами догадки верны, то мы сами не справимся? Нас попросту уничтожат!

— Маги никогда не брали количеством, а мастерством и личной силой, — сложив руки домиком, ответил Влад. — Тем более, что я и не требую от вас невозможного. Мне нужно, чтобы вы поспособствовали мне в двух вещах: в допуске в архивы Отдел Тайн и встрече с премьер-министром простых людей, Гарольдом Вильсоном.

— Вы ведь планировали это с самого начала? Еще во времена создания Альянса? — ответом ему стала легкая улыбка на лице Пирса. — Хорошо, будь по вашему. Встречу с маггловским премьер-министром я устрою, у меня есть такое право. Но вот Отдел Тайн... Он лишь формально подчиняется Министерству Магии и может просто проигнорировать мой указ.

— Вы его просто издайте, дальше я разберусь сам, — Пирс также не стал рассказывать о своих догадках, зачем именно был создан Отдел Тайн, почему он никому не подчиняется и только и занимается что скрытным сохранением и приумножением магического наследства. Кроме того, история того же Гриндевальда была очень странной. Если у того же Гитлера можно было проследить зачатки националистических идей, которые в конце концов выросли в геноцид других народностей, то вот у Геллерта подобного не было, иначе он бы не сошелся с гуманным в молодости Альбусом. Гриндевальд был очень сильным и могущественным магом, но по газетам и сводкам времен его активности вел себя как картонный злодей. Будто кто-то старался его таковым показать. А когда человека долгие годы называют монстром, он может таковым стать. Да и смерть всего его довольно большого рода была в крайней степени подозрительна. Нет, он не считал Геллерта невинной овечкой, ведь тот развязал самую кровопролитную войну в истории. Но вот с его мотивами все было не так просто.

— Пусть будет так, — согласно кивнул глава рода Малфой. Если сам он ничего не терял, и его союзник решил принять удар на себя, то кто он такой, чтобы его отговаривать? Впрочем, сам Влад не особо надеялся на Абракса, а потому и не попросил у него ничего сверх того, что от него можно ожидать.

Дом Андромеды и Теда Тонксов представлял собой небольшой особнячок в элитном районе на краю Лондона. Здесь жили состоятельные магглорожденные и полукровки, которые не хотели иметь ничего общего с чистокровными, но при этом могли свободно применять магию, не скрываясь. Не то, чтобы у Тонксов было много денег, просто и выбора у них особого не было. Как бывшая Блэк, Андромеда стала бы парией в любом чистокровном обществе, а из-за пробудившихся у ее дочери Нимфадоры способностей метаморфа, обычное поселение ей не подходило. Так как девочка, меняющая цвет волос чуть ли не ежесекундно, определенно вызвала бы вопросы. Именно перед этим особняком в стиле, более подходящем США, чем старушке Англии, появилось две женщины, одновременно похожие и непохожие друг на друга. Одна из них была жгучей брюнеткой в черной, с серебром, мантии, корсете, кожаных сапожках и плюшевой юбке, а другая — холодной платиновой блондинкой с собранными в

пучок волосами, в белом платье и такой же мантии Мастера Целителя. Девушка взмахнула рукой с мастерским перстнем и направила чары в дверь. Послышался мелодичный перезвон.

— Могла бы просто подойти, сестрица, — усмехнулась Белла, взмахом руки очищая свои сапожки. Если их учитель считал беспалочковую магию самой собой разумеющейся, то вот они не преминули использовать этот навык при любом удобном случае. Ведь в магическом мире он считается отличительной чертой мастера.

— То же самое могу сказать и тебе, — ответила ей Цисси. — Лучше скажи мне, почему ты отказалась от прохождения экзамена на мастера Мелифицистики? Неужели великая Беллатриса Блэк боится пройти экзамен?

— Вот как раз потому, что я до сих пор Блэк, хоть и не понимаю, как наша тетушка меня еще не изгнала: никто не посчитает мое достижение как мое собственное или Пирса — все будут считать, что всему меня обучили Блэки, — ответила ей Белла. За дверью слышались шаги и шорохи. Сквозь окно на них посмотрела полуодетая Андромеда, и тут же шаги стали чаще. Девушка увидела, кто к ней пришел, и не могла показаться в таком виде. — Тебе с этим проще, никто не поверит, что Малфои обучили тебя за год или Блэки умудрились вырастить целителя.

— Самое ироничное, что я обучилась именно за год, — задрала свой носик Цисси, но Белла ее быстро опустила с небес на землю.

— Ты слишком-то нос не задирай, а то я будто не знаю, что ты три года минимум отпахала. Да и учитывая методы нашего учителя... Мне уже жалко его сестер и крестницу.

— А что не так? Вроде бы им весело, и обучение подается как игра. Я ни разу не видела, чтобы он заставлял их учиться против воли. Помнишь, как учили читать нас? — спросила блондинка.

— Это когда тетушка вывалила перед нами азбуку и сказала, что пока не научимся читать, никуда не уйдем? Как же это забыть, особенно когда ты разозлилась и стихийным выбросом порвала книгу.

— А ты сожгла следующую, — улыбнулась мимолетно Нарцисса. — Влад же читал своим сестрам сказки, причем останавливался всегда на самом интересном месте, предлагая им научиться читать, если они хотят узнать концовку не на следующий день, а пораньше. Естественно, что дети захотели научиться читать, и за пару недель сеансов ингениума они уже сами читали то, что им нравится, в библиотеке.

— Хотела бы я, чтобы он воспитывал моих детей, — увидев скептический взгляд Беллы, Цисси поняла, как двусмысленно звучали ее слова, и, покраснев, поправилась: — Я имею ввиду, что он стал бы отличным учителем. Впрочем, его матушка не хуже.

— То есть то, что ты сама изучаешь книги по детской психологии, хотя совсем недавно считала это чужью для магглов, ни о чем не говорит? — в это время дверь открылась, и во дворе

показалась Андромеда. Ее волосы были каштанового цвета и сильно вьющимися от природы. Одета она была в прямоугольные очки с тонкой оправой, серую мантию, маггловские синие джинсы и свитер с оленями. — Ладно, потом договорим.

— Цисси? Трикси? Почему вы здесь, вас послала Вальбурга? Так и знайте, я свою дочь не отдам! — напряглась Андромеда.

— Тише, львица, никто твою дочурку, нашу племянницу, не заберет. Мы уже не можем прийти в гости к нашей старшей сестре? — спросила Белла и, к изумлению Меды, ее обняла. — Я тоже как бы из семьи ушла.

— Ты? Ты же была...

— Самой чистокровной сукой среди нашего дружного семейства? — ехидно спросила Беллатриса, позволяя Нарциссе повторить процесс обнимашек шокированного столба. — Да, я такая... была. Но время течет, все меняется. Как видишь, наша младшенькая стала Мастером Целителем. Ну, что, так и будешь стоять истуканом на пороге или, может быть, вступишь нас внутрь?

— А, да, конечно, — отмерла Тонкс и пустила всех внутрь.

— Вам чаю или кофе? — проведя своих сестер на кухню, спросила Меда.

— Ты научилась его готовить? Как я помню, Вальбурга всегда уничтожала твои произведения кулинарного искусства, — поинтересовалась Нарцисса.

— Трикси верно сказала: все течет, все меняется, — ответила им девушка, вскипятив чарами воду и заварив чайник. — Так вы действительно пришли ко мне, или у вас есть еще какое дело?

— В Англии становится опасно, — серьезно сказала брюнетка. — Поэтому мы переживаем за тебя. У нас есть защита нашего... учителя. А у вас нет.

— Вы предлагаете мне уехать? Но у Теда здесь работа, у нас здесь все!

— Нет, мы предлагаем вам защиту. Артефакты, фиделиус на дом, системы защиты и возможность вызвать помощь, если что, — ответила Нарцисса. В это время со второго этажа послышались частые шажочки, и вниз сбежала маленькая девочка двух лет с постоянно меняющимися чертами лица, ростом и цветом волос. Она споткнулась, и если бы Белла ее не поймала, то разбила бы нос.

— А вот и малышка Нимфадора, — подняв ее на руки, сказала Белла.

— Я Тонкф! — фыркнула девочка и отвернулась.

— Ей почему-то не нравится ее имя, — Андомеда пожала растерянно плечами.

— Тогда когда она вырастет, сможет выбрать себе любое другое.

— Плафда? — с надеждой спросила девочка.

— Плафда, — ответила Блэк

— Уля, спасибо нефнакомая тетя! — воскликнула Нимфадора, начав играть с волосами своей тети.

— И что от меня требуется? — спросила Меда, разливая чай. Зная о неуклюжести свой дочери, она сделала чашки непроливаемыми и неразбиваемыми. И не зря. Тут же потянувшись к чашке, Дора ее столкнула на пол. — Денег у нас не так уж и много, мы выплачиваем кредит за дом. Хорошо хоть появился этот новый банк, и проценты у него не такие большие.

— Ничего, только твое согласие. Деньги — последнее в чем мы нуждаемся, — брюнетка вспомнила огромное хранилище с золотом Пирса. И как он сказал ей, что, если надо, пусть берет сколько хочет. Блэк родилась и жила в одной из богатейших семей Англии, но и там ей такого не позволяли. Зато был и плюс — такое количество денег напрочь отбило потребность в них. Это как когда у тебя целый бассейн конфет, тебя скорее тошнить от них начнет, чем ты возжелаешь большего. — Тем более что глава банка — как раз наш учитель и, если хочешь, твой кредит можно будет аннулировать.

— Нет, свои долги я выплачу сама, — твердо ответила Меда.

— Как пожелаешь... Ах да, еще он просил передать тебе, что может помочь обучить нашу племянницу контролировать и развить ее талант, — Белла щелкнула по носу засмеявшуюся девочку, которая спародировала лицо Цисси.

— Метаморфизм? Разве это возможно? — удивилась Меда, которая точно знала, что даже в библиотеке Блэков и Хогвартса таких знаний нет. Это одна из многих утерянных школ магий.

— Иногда мне кажется, — сказала Беллатриса, — что для него нет ничего невозможного. Вопрос только сил, времени и желания.

— Тогда я бы хотела вначале поговорить с ним и узнать, что он за человек. Отдавать свою дочь в совершенно незнакомые руки я не стану.

— Мудрое решение, — ответила Белла, передавая Дору на руки матери. — Я ему передам. Ну, а

теперь, расскажи, как докатилась до жизни такой, сестрица?

И три сестры, воссоединившись вновь, до самой ночи делились друг с другом своими историями, переживаниями, надеждами и трагедиями. Такие разные и такие похожие, только уйдя из своего рода, они впервые почувствовали себя семьей.

<http://tl.rulate.ru/book/46466/1123336>